

Секция 2.

«Экологический мониторинг и прогноз последствий в условиях интенсивного промышленного и сельскохозяйственного освоения Севера»

УДК 551.87:911.2

ДРЕВНИЕ НОМАДЫ СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Иметхенов А.Б., Иметхенов О.А.

*ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»,
Улан-Удэ, e-mail:ecolog@esstu.ru*

В статье даны палеографические реконструкции хозяйственной деятельности древних номадов севера Центральной Азии, охватывающие период появления от первого оседлого человека до рубежа «новой эры».

Ключевые слова: древние номады, палеографические реконструкции, хозяйственная деятельность, палеоландшафты, флора и фауна позднего неоплейстоцен-голоцена

ANCIENT NOMADS NORTH CENTRAL ASIA

Imetkhenov A.B., Imetkhenov O.A.

East-Siberian State University of Technology and management, Ulan-Ude, e-mail: ecolog@esstu.ru

The article gives palaeographic reconstruction and economic activities of the ancient nomads of the north of Central Asia, covering the period from the first appearance of the sedentary person to turn a «new era».

Keywords: Ancient nomads, palaeographic reconstruction, economic activity, paleolandscapes, flora and fauna late neopleistocene-holocene

Широкое освоение территории севера Центральной Азии началось с кочевого образа жизни, когда древний человек успешно стал сочетать кочевой и оседлый образ жизни (50-40 тыс. лет тому назад). С этого времени начинается компактное обживание территории и появление первых оседлых поселений. Исследования, проведенные нами [1], позволили создать единую природно-историческую схему, охватывающую большой хронологический период от появления человека и фактически до рубежа «новой эры». Целенаправленно хозяйственной уклад жизни древнего человека начинается с конца неолита и начала бронзы. В этот период завершается формирование трех основных хозяйственных укладов древних номадов: *охотничье-рыболовческое хозяйство* (Прибайкалье, Становое, Патомское и Алданское нагорья и Витимское плоскогорье); *многоотраслевое хозяйство*, охватывающее охоту, рыболовство, собирательство, пастушество и земледелие (Алтай, Забайкалье); *кочевое скотоводство* (южный Алтай, Саяны, южные районы Забайкалья и Северной Монголии). Эти хозяйственные уклады сложились сами по себе самостоятельно, хотя многоотраслевое хозяйство возникло немного позже на границе влияния двух других видов хозяйственной деятельности [2].

Охотничье-рыболовческое хозяйство сочетал полукочевой рыболовческий (пре-

имущественно летний в первоначальном и круглогодичный последующем этапах) и охотничий (круглогодичный) промыслы, которые сложились еще в неолитическое время. Хозяйство древних неолитических племен практически приспособилось к трудным, а порою к суровым природным условиям северомонгольской и саянской горно-степной и горно-тундровой, прибайкальской и южнокутской горно-таежной и лесостепной зон. И это форма ведения хозяйства дожила практически до начала XX в., передаваясь от одних племен к другим. Древний человек успешно охотился на крупных лесных животных и специализировался на ловле рыбы. Так, например, объектом интенсивного промысла в Прибайкалье была нерпа, которую в основном добывали в весеннее время (в апреле-мае). Этот вид промысла без изменений сохранился до настоящего времени [3].

Большое значение в жизни древнего человека имела собака. Это практически первое животное, прирученное человеком, сыграло исключительную роль в охотничье-рыболовческом полукочевом хозяйстве. При помощи собаки совершалась охота на нерпу, лесных животных, а иногда в зимнее время она использовалась как средство передвижения по льду или снегу. Важным этапом в развитии экономики таежной Сибири стало приобщение местных рыболо-

вов-охотников к транспортному оленеводству. Возможно, это произошло в период раннего железа (находки костных деталей оленьей узды в поселениях побережий Байкала и Хубсугула). Использование оленя для передвижения по тайге – летом верхом, а зимой на нартах, дало существенный толчок для широкого освоения промысловых богатств и быстрейшей интенсификации охоты и рыболовства.

Несмотря на традиционность и известную консервативность охотничье-рыболовческого хозяйства, оно усовершенствовалось и включало новые виды присваивающих промыслов. Одним из важных моментов стало широкое внедрение в хозяйственную жизнь оседлого неводного и вентерного рыболовства (на рубеже неолита и бронзы). Этот прогрессивный в то время метод добычи рыбы практикуется до сих пор у местного прибайкальского населения.

Развитие многоотраслевого хозяйства началось в конце атлантического оптимума – начале суббореального времени, обусловленное начавшимся переходом от влажного климата к аридному (сухому) [4]. Возрастание засушливости климата побудило жителей степной зоны севера Центральной Азии наряду с совершенствованием традиционного кочевого скотоводства заниматься другими видами хозяйственной деятельности.

Энеолит – начало бронзы (3,8-3,0 тыс. лет назад) в забайкальских и северо-монгольских степях был периодом начала зарождения многообещающего экономического эксперимента, который в дальнейшем привел в громадном пространстве севера Азиатского континента к возникновению многоотраслевого хозяйства, объединившего исконно присваивающие промыслы (охота, рыболовство, собирательство) с производящими отраслями (пастушество, земледелие).

Многоотраслевое хозяйство способствовало усилению коллективных загонных (облавных) охот на животных, которые применялись в лесостепных просторах еще со времен палеолита. Объектом охоты теперь явилась дикая лошадь и в дальнейшем «привыкание» человека к дикому стаду, послужило приручение не только лошади, но и овцы, свиньи и крупного рогатого скота. Но, преобладание доли лошади в стаде привело к нарастанию в хозяйстве степняков элементов кочевого быта. Сложная ситуация сложилась в степной зоне Южного Забайкалья и Северной Монголии, где в дальнейшем данная форма хозяйствования оказалась историческим эпизодом,

оправдавшим себя лишь для энеолита. Дело в том, что степняки в силу своего специфического уклада и образа жизни (постоянное перемещение с одного места в другое, ведение изнурительных войн за расширение пространства и т.д.) мало занимались земледелием.

В целом жители степных территорий, проживающие в центре основных путей великих переселений и постоянно испытывающие давление от всевозможных набегов, вынуждены были на какое-то время перемещаться к северу, уходить в леса и тем самым сохранить свой традиционный уклад жизни. А когда опасность миновала, номады возвращались в свои обычные места. Следовательно, территория степного севера Центральной Азии являлась прекрасным плацдармом для успешного маневрирования местного населения в силу своих природно-климатических особенностей. И эта весьма «подвижная» зона сохранила жизнь степняков в период великих миграционных процессов и завоеваний.

Кочевое скотоводство. Этот вид хозяйственной деятельности был широко развит в степных районах севера Центральной Азии. Еще в конце неолита и, особенно, в эпоху бронзы степные скотоводы мигрировали в поисках кормов для домашнего скота и для лучшего проведения своих охотничьих занятий (рис. 3).

На развитие скотоводческого (номадного) хозяйства значительное влияние оказывали природно-климатические условия. Суровость степной территории Центральной Азии, окруженных с юга Центральным Гобийским пенеппеном, юго-запада системой Алтайских и Саянских гор и горной страной Хангай, с востока и юго-востока Хэн-тэй-Даурским нагорьем (орографические особенности, широкий диапазон годовой температуры, достигающей до 80°С) сравнительно легко переносится местными жителями из-за сухости климата. Несомненно, неблагоприятные условия наблюдались также в неолите и в более поздних эпохах (бронза, железо). Отсюда можно предположить, что суровость климата в силу своей специфики способствовала материальному росту и значительному передвижению степняков-скотоводов.

Весьма своеобразным был и животный мир региона. Типичная фауна степей севера Центральной Азии (конец позднего неоплейстоцена и голоцена) – антилопа-дзерен, кяхтинский винторог, кулан, архар, шерстистый носорог, мамонт, лошадь, як байкальский. Из хищников – волк, корсак, лисица, манул. Из птиц наиболее встречаемы были черный гриф, орел, коршун, сокол, которые

охотились на грызунов. Чуть реже – жаворонок, перепел, дрофа, журавль, гусь, утка. О значительном распространении этих видов животных очень красноречиво и убедительно свидетельствуют наскальные рисунки. В начале голоцена мамонт, шерстистый носорог, кяхтинский винторог и як байкальский (вошедшие в научную литературу как «мамонтовая» фауна) вымерли. А некоторые виды, как антилопа-дзерен, корсак, архар, кулан в конце XIX в. значительно сократили свои ареалы, сместившись к югу, и встречаются теперь в центральной и юго-западной части Монголии.

Отметим также и растительные особенности этого обширного степного региона. В основном, преобладали горно-степные и степные сообщества растений. Так, например, наличие в большом количестве диких злаков создало благоприятную почву для ведения земледельческих опытов в неолите и положило начало развития этой отрасли хозяйства в регионе. В начале голоцена господствовали лугово-злаковые и реже злаково-степные ассоциации. Аналогичная растительность произрастала и в конце верхнего неоплейстоцена, в период кокоревского и таймырского потеплений (12,7-10,8 тыс. лет назад). Такой благоприятный климатический фон, несомненно, способствовал широкому расцвету и разнообразию форм развития кочевничества.

Одним из главных факторов развития степного скотоводства был климат. Самый последний глобальный процесс аридизации климата, начавшийся одновременно с высыханием степных и пустынных территорий севера Центральной Азии (около 4-5 тыс. лет назад), наложил существенный отпечаток на существование некогда разнообразного животного мира, а затем и на характер развития скотоводства [1, 5, 6].

Благоприятные природно-климатические условия, сложившиеся в раннеэоценовое время (атлантический оптимум – 5-8 тыс. лет назад) с обилием бескрайних пастбищ и многомиллионных стад животных, привели к идее одомашнивания диких травоядных животных. Реализация этих замыслов была настолько естественной и логичной, что методы и способы ведения кочевого скотоводства без серьезных изменений

существует, и по сей день. Естественно, суровая жизнь заставляла древнего человека вести скотоводческое хозяйство в режиме круглогодичного использования естественных пастбищ. При этом он мигрировал со скотом и имуществом в поисках лучших пастбищных земель, строго следуя по своим проторенным маршрутам и меняя места кочевок несколько раз в год. Древние кочевники Центральной Азии испытывая, постоянную зависимость от суровых стихий делили, свои сезонные пастбища на три части: начальную, среднюю и конечную стадию выпаса. Этот эффективный прием ведения кочевничества сохраняется у современных монгольских скотоводов-аратов, у которых является наличие ближних и дальних пастбищ, воды, высокого качества травы, а в Забайкалье он практически утерян.

Из всего сказанного следует, что сегодня практически потерян сложившийся веками традиционный кочевой уклад жизни с ее нормами и обычаями (оптимальные размеры кочевий, загонные методы, выбор места для пастбищ, планирование стойбищ и т.д.). В настоящее время в пределах обширной степной территории Евразии только Северная Монголия сохранила полное кочевое хозяйство. А Забайкалье, имеющее почти те же природно-климатические условия, аналогичную природную среду и орографические рубежи, полностью отошло от кочевого (номадного) образа жизни. И эта трагедия – одна из главных причин потери своего ремесла забайкальскими степняками и оскудения некогда богатых пастбищных угодий.

Список литературы

1. Иванов И.В. Изменение природных условий степной зоны в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. – 1983 – № 2. – С. 89-93.
2. Иметхенов А.Б. Природа переходной зоны на примере Байкальского региона. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 1997.
3. Иметхенов А.Б., Иметхенов О.А. Переходная зона – важнейший естественный рубеж зарождения и миграции древнего человека // Региональные и отраслевые исследования. – СПб: Изд-во РГО, 2005.
4. Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1982.
5. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991.
6. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989.